

НА СЦЕНЕ Варшавского Большого театра, гастроли которого только что закончились в Москве, выступает немало прославленных мастеров. И среди них знаменитый польский бас — **Бернард Ладвиш**, которого москвичи встречали как своего старого знакомого и друга. Поэтому, собираясь побеседовать с ним, мы не сомневались, что разговор с прославленным певцом представит интерес для всех его почитателей. И нам кажется, мы не ошиблись: беседа, проходившая в перевернутом между двумя спектаклями, не только познакомила нас со взглядами этого артиста, но и приоткрыла новые грани его творческого облика.

— Вы неоднократно гастролеровали в нашей стране. И хорошо запомнились ваши блестящие выступления, например в спектакле Большого театра «Фауст»... А когда вы были впервые у нас?

— Сейчас уже трудно точно сказать. Пожалуй, в первый раз это было с Ансамблем песни и пляски Польской армии, думаю, году в 1949 или 1950... А потом... Я как раз недавно пытался подсчитать: семь или восемь приездов.

— В каких городах вы гастролеровали?

— В Москве, Ленинграде, Одессе, Киеве, Ташкенте, Саратове, Вильнюсе, Риге, да и во многих других. Я выступал в театрах. А еще приезжал с разными коллективами.

— Так что вас здесь хорошо знают и любят. Но творческая биография малоизвестна. Как вы стали артистом, певцом? Расскажите коротко.

— Да как вам сказать. Всегда так бывает: один человек поет, другой не поет. Я думаю, что это судьба, потому что у меня и отец был певцом, правая, любителем, и мама пела, и все дома пели и играли. Мой брат, например, играет почти на всех инструментах, а он не стал профессиональным артистом. Я окончил в Варшаве Институт имени Шопена, а еще многие годы работал в армейском ансамбле — до консерватории и во время обучения, и после него. Вообще я думаю, что моя артистическая карьера и началась в Ансамбле песни и пляски Польской армии. Я и до сих пор сохраняю с ним тесный контакт, выступаю — это мой долг. В ансамбле я пою уже 22 года — с тех пор, как пошел служить в армию, а в театре выступаю семнадцать лет. И частица моего сердца принадлежит армейскому коллективу.

— Ну и, кроме того, вы уже давно концертнуете...

— Да, уже трудно и пересчитать, сколько я дал концертов. А сейчас, пожалуй, эта работа меня особенно увлекает. И вы знаете, как ни странно, это связано с новой музыкой! Последнее время, например, мы часто исполняем вместе с моими коллегами Стефанией Войтович и Анджеем Хиольским одно из последних сочинений нашего талантливого композитора Кшиштофа Пендерецкого «Страсти по Луке». И дома, и за границей. Поем и другие его сочинения, например «Дневни», в память погибших в Освенциме.

— А что вас привлекает в его музыке?

— Ну, прежде всего то, что она новая, а все, что ново, притягивает меня. Потом, это очень трудно... А если трудно, то особенно хочется попробовать свои силы. И третье — она действительно интересна: есть в ней, как мне кажется, настоящая правда. Это музыка, повествующая о страшных событиях нашего века. А о них нельзя писать так, как писали Бах или Моцарт.

— Вы давно интересуетесь современной музыкой?

— Нет, совсем недавно: по-настоящему только второй год, не

больше. До этого я вообще не хотел о ней слышать.

— Как же это получилось?

— У меня есть друг, известный дирижер Генрик Чиж. Может быть, вы его знаете?

— Да, он выступал у нас с интересными программами, особенно в Ленинграде, где прозвучала «Хирросима» Пендерецкого...

— Так вот, с детских лет мы росли вместе и учились. И он мне как-то сказал: «Бернард, слушай, есть такой Пендерецкий, который написал замечательную музыку». Я ему говорю: «Пошел ты к черту с этой музыкой!» — «Но я, — говорит, — уже обещал ему, что ты посмотришь...». Я в ответ: «Ты сказал, ты и пой». Он настаивает: «Нет, слушай, ты попробуй только, попробуй эту вещь». Я взял ноты. А после того как выучил и спел впервые, увлекся всеерьез.

— Но если вам трудно было привыкнуть к этой музыке, то публике ведь еще труднее.

— Да, это верно. Но Пендерецкий пишет о том, что всех волнует, что всем знакомо, скажем, когда он говорит об освенцимской трагедии. Или, скажем, «Страсти» Пендерецкого. Казалось бы, отвлеченная, духовная тема, но эта библейская история о Христе, идущем на Голгофу, тоже известна всем. И к тому же музыка Пендерецкого не абст-

Все это классика. И это мне иногда нравится больше, чем некоторые вещи, которые мы сейчас поем.

— Где вы показываете такие постановки?

— У нас в театре отличная камерная сцена. А вот оперу «Служанка-госпожа» я пел в Варшаве: есть там такой парк «Лазенки», и в нем прекрасный небольшой зал — такой, я бы сказал, «романтичный» зал. Сценка маленькая, но такая, как будто кто-то строил все это специально для старинной музыки. Поэтому я еще езжу на разные фестивали...

— Что для вас особенно дорого в вашей большой артистической карьере?

— Трудно так сказать... Всегда поешь по-разному: один раз удачно, другой раз — нет. Человек есть человек, и нельзя судить о певце по одному удачному или неудачному выступлению. Всякое бывает. Я спел много и больших, и маленьких ролей. Почти два года пел в Италии и, кстати, научился прилично говорить по-итальянски. Там я пел в «Сицилийской вечерне», «Дон Карлосе», «Севильском цирюльничке», «Силе судьбы», «Норме» — словом, во многих спектаклях.

— Какими-нибудь роли доставляли вам наибольшую радость?

— Не знаю... Радость?.. Каждая

МУЗЫКА. БЕСЕДА В АНТРАКТЕ

рактная. Наоборот, она весьма конкретна, образна по своим выразительным средствам, изобразительна.

Конечно, не вся так называемая новая музыка такова. В ФРГ я слушал недавно оперу одного из самых видных современных композиторов Вернера Энга «Обручение в Санто-Доминго». Признаюсь, трудно было досидеть до конца: невозможно ориентироваться в хаотическом потоке. Два часа нет никакой передышки. Словом, нужно писать музыку для людей, чтобы можно было ее слушать. Чтобы каждый из нас сегодня, послушав эту музыку раз-другой, мог бы сказать: «Это для меня».

— Интересно, не заслонило ли это увлечение новой музыкой в ваших глазах все остальные богатства музыкальной литературы?

— Нет, напротив. Я продолжаю петь в театре, в концертах и притом в самом разнообразном репертуаре. Правда, вскоре после первого исполнения музыки Пендерецкого мне пришлось петь в «Фаусте». Так поверите ли, сначала я просто не мог: мне казалось, что там нет музыки. И я подумал, что это своего рода зараза, новая музыка: начнешь ее петь, и все остальное, как говорится, побоку. Но теперь уже, когда я немного освоился, я понял, что и старая музыка хороша, и в новой есть талантливые произведения. А первое время мне казалось, что эти вещи несовместимы. Знаете ли, сейчас я увлекся еще одной областью — старинной музыкой. Может быть, старею?.. Обратился к музыке Перголези, Чимароза и других. Я сделал фильм «Мастро ди капелла» по опере Чимароза. Сам пою, сам дирижирую. Еще спектакль — «Служанка-госпожа» Перголези, сейчас готовлю оперу Перголези «Бандит и девушка».

роль — радость, если она хорошо слета. А на другой день, бывает, споешь неудачно, и кажется, лучше бы ее не было, этой роли... Так у меня случилось с «Дон Карлосом». Это зависит от настроения, самочувствия и так далее. Вот если еще говорить о том, что мне нравится такая музыка, так это Мусоргский. Для меня музыка Мусоргского и теперь какая-то новая. Она давно написана, но все-таки не стареет, не пережила себя; она еще несет в себе такие элементы, которые делают ее новой.

— А кроме Мусоргского?

— Вы знаете, это может показаться неожиданным. Мы сейчас репетируем «Евгения Онегина» Чайковского. Я пел Греммина еще пятнадцать лет назад. Был тогда совсем молодой и, признаюсь, по-настоящему даже оперы не слушал: спел свою сцену, — а она невелика — и пошел домой. А когда теперь сидел и слушал эту музыку от начала до конца, подумал: как это прекрасно, как много мелодии!

Но все-таки с оперой вообще что-то нужно делать, чтобы современный зритель с интересом смотрел и слушал. Я говорю о нашей публике. Может быть, нужно где-то делать купюры? Или искать какие-то новые втути в постановке? Скажем, вы были на нашем спектакле «Кармен»? Кое-кому, наверно, не понравилось, кое-кто нашел тут отступление от принятых норм. Мы стремились к наибольшей театральности зрелища. В спектакле нет оперной напыщенности, стандартных жестов и тому подобного. Уход от оперной рутинной подкажанной жизнью, необходимостью двигаться вперед.

— Но все-таки опера как жанр, по-вашему, имеет будущее?

— Только если все делать по-новому. Все — и постановку, и оформление, и режиссуру, и даже детальность спектакля. Все надо пересмотреть. Конечно, это мое личное мнение. Но опера живет, потому что музыка все-таки прекрасна.

— Как вы относитесь к легкой музыке?

— Смотри к какой легкой. Я сам пою песни и очень часто. Но у нас молодежь, к сожалению, слишком увлеклась исполнением легкой музыки. Это кажется соблазнительным: думают, что не надо долго учиться, не нужно многое уметь, что слава приходит быстро. Нет, только большой опыт позволяет мне теперь петь и современную музыку, и легкую. Конечно, я не буду петь всякую легкую музыку, скажем, «биг-бит» и прочее, по одной лишь причине, что, по-моему, это вообще петь не надо. Но красивые, мелодичные современные песни я могу и хочу петь. Однако серьезно музыку надо тоже петь, потому что человек так устроен — он питается не только булками, но и хлебом. Главное — талант и умение. Знать слова и мямкать, как котенок, — это еще далеко не все. Жизнь показала — из тысячи певцов, которые подвизались на эстраде десять лет назад, остались три, ну, четыре. Значит, и тут необходимы и талант, и голос, и понимание того, что ты делаешь.

— А вам удается в одной программе соединять классические произведения и современные песни?

— Да, все пою. И я думаю, что если певец хочет показать, что он умеет, то и надо все петь. Иногда концерт или, скажем, музыкальная передача по телевидению должны быть рассчитаны на разные вкусы.

— Кстати, может ли, по вашему мнению, телевидение сыграть существенную роль в пропаганде музыки?

— Сейчас, по-моему, это едва ли не самое главное средство воспитания музыкальных вкусов людей.

— Вы много записываетесь на пластинки?

— Думаю, что много. Между прочим, как раз перед отъездом в Москву я записал русские песни на пластинке на польском языке и польские. Всего пятнадцать песен. А до этого записал пластинку танцевальных и лирических песен, цикл пластинок с народными песнями — ирландскими, английскими, французскими, негритянскими; пластинки с ариями, записи новой музыки — Пендерецкого и Рудзиньского; в Лондоне записался в «Лючии ди Ламмермур» вместе с Марией Каллас.

— Какие ваши ближайшие планы?

— Вернувшись домой, я поеду немного отдохнуть в горы, а потом снова выступления в театре и работа над современной музыкой, с которой я очень тесно связан. Предстоит исполнение произведений Пендерецкого под управлением Караяна в Западном Берлине, а затем ряд выступлений в ФРГ, Франции, США и других странах. Хотелось бы исполнить эту музыку и в Советском Союзе перед московскими слушателями.

Вашу публику я отлично знаю — ее не обманешь. Люди очень точно понимают, что хорошо, а что нет. Пожалуй, вспоминая свои гастроли, я мог бы назвать две аудитории — русскую и немецкую как самые взыскательные. Немецкая — очень внимательная, пытливая, хорошо воспринимает сложную музыку. Но у нашей публики — еще и сердце! И если она чувствует, что артист поет не поверхностно, а вкладывает в исполнение всю душу, отдается музыке, то она даже прощает ему, если он не в лучшей форме.

М. ЯКОВЛЕВ.